

ПОНАЧАЛУ я очень расстроился: так тепло я относился к этому человеку, столько ярких впечатлений за последние дни, а в голове полный сумбур и на бумаге то же самое. Такая профессиональная беспомощность с мной случалась только в самом начале журналистской карьеры. Потом понял, что не могу писать об этом событии в жанре репортажа: такого-то числа в таком-то месте собралось столько-то влиятельных и иностранных гостей, чтобы попрощаться с главным дирижером американского Национального симфонического оркестра, закончившего свой семнадцатый и последний сезон в этом качестве. О Славе Ростроповиче, о его расставании с Америкой, о том, что он значил для этой страны, надо бы написать торжественную оду, да вот беда — не умею. Поэтому попытаюсь донести свои мысли и чувства так, как они лягут на бумагу.

И предупреждаю: если я буду называть его не по имени-отчеству и на ты, то вовсе не от стремления щегольнуть своей близостью к великому музыканту и великому гражданину России. С теми, с кем у него отношения, как бы это сказать, постоянные, что ли, Ростропович другого обращения просто не признает. А таких людей — огромный спектр. Однажды он мне, между прочим, сообщил: «Звонила София, приезжай, говорит, мы Ельцина ждем, ты будешь очень кстати». «Какая София?» «Ну как какая — испанская королева, конечно. Ты что, газет не читаешь? Не знаешь, что Ельцин в Мадрид собрался? Я с ней и с Карлосом давно дружу. Но пришлось отказаться — невозможно было отменить выступления». Карлос — это, разумеется, король Испании, так что куда уж тут в близкие приятели набиваться.

При всей склонности Славы к шуткам и розыгрышам это святая истинная правда. Они с Галиной Вишневской дружны и с монархическим двором, и с японским, и с прочими, еще сохранившимися. Про президентов уж и говорить нечего. Все четверо ныне здравствующих президентов США, включая правящего, стали сопредседателями комитета по организации прощального гала-концерта в честь Ростроповича. Кстати, от него я узнал, что японский император увлекается виолончелью: Слава был единственным музыкантом, которому довелось играть дуэтом с правителем Страны восходящего солнца.

...Прощались мы с ним в третьем часу ночи, когда до отъезда ему оставалось часов десять — в Париж, где на следующий день после прибытия maestro предстоит получить 34-ю по счету степень почетного доктора, на сей раз в Сорбонне. Официальные американские гости еще продолжали толпиться в ресторане под крышей «Кеннеди-центра», который все эти годы был родным домом для Славы, а здесь, в его личной комнатке, о существовании которой знали немногие, никак не могли расстаться с ним русские друзья. Максим Шостакович, только что отдирижировавший финал Пятой симфонии своего отца, перебирал клавиши пианино. Наверное, в первый и последний раз я видел неистово энергичного Дирижера полностью обессиленным — хотел только забрать свою икону и сразу домой, но сел в кресло — и нет сил подняться.

Устало улыбнулся: «Ты знаешь, они — просто садисты. Нельзя столько хорошего говорить человеку в глаза, я без конца слезу вытирал...». А я и сам это видел — и когда он сидел в ложе концертного зала, где происходил гала-концерт, и потом на банкете, когда к стоявшему в центре микрофону под-

ходили разные знаменитости и произносили обращения к нему спичи. Чуть не забыл: в ложе, по правую руку от него, сидела королева София, которая нашла-таки время придти вместе с наследником престола и присутствовать при прощании Америки с ее другом Славой. Прощалась Америка — это не метафора. Кто с опускавшегося сверху экрана, кто собственной персоной. Ростроповичу говорили о том, что он значит для этой страны и для всего культурного мира: Хиллари Клинтон, Ван Клайберн, директор «Кеннеди-центра» Джеймс Волфенсон, скрипач Айзек Стерн — да всех не перечислить.

Сделав паузу и почему-то вздохнув, Слава добавил: «Знаешь, о чем я жалею? Что не смог встретить Саню там, во Владивостоке, вместе со всеми. Надел бы парик, прицепил бы бороду, чтоб не узнали, и просто постоял бы, послушал, поглядел...» Было в его интонации что-то такое, что подумалось: а ведь он наверняка планировал такой бросок через полмира, да, видно, не укладывалось никак в его спрессованный на годы вперед график. Это вполне в его духе. Здесь же, в этой потайной комнатке по соседству с медпунктом «Кеннеди-центра», — принял поздравления в общей дирижерской за кулисами и сю-

где еще не обнаруженных. Может быть, когда-нибудь возникнет повод их пересказать. Но сейчас я ловлю себя на том, что бессознательно оттягиваю момент, когда нужно признать: все, больше не будет Славиных великолепных импровизаций ни в его служебном убежище после концертов, ни у него дома, что в двух шагах от «Кеннеди-центра», ни на масленичных или пасхальных застольях у хлебосольных американских россиян. Вашингтон отныне для него — то, чем были до сих пор остальные столицы мира: примчался на «конкорде», продирижировал или сыграл сольный концерт на виолончели (его можно целиком со-

на банкете, они арендовали целый прогулочный пароксид и пировали вдали от чужих глаз, плывя по Потомаку. «За семнадцать лет мне все же удалось везти русскую ноту в американскую музыку. Понимаешь, в чем дело, мы — худо ли, скандально ли, но продукт коммуналный, привыкли прислушиваться друг к другу, а они живут в отдельных домах и духовно — тоже отдельно. Думаю, я оставлю нечто более спаянное, чем просто группа вместе работающих людей — и не только потому, что я большинство из них сам подобрал».

Упаси Бог, не хочу сказать ничего дурного об официальном прощании с ним, тем более что оно было не таким уж официальным. Даже в исполнявшийся первый «Музыкальный тост» Бернштейна оркестранты умудрились вмонтировать скандирование «Слава Ростропович!» А уж певшую на русском языке сцену коронации из «Бориса Годунова», где мощнее всего звучало слово «Слава!», все понимали правильно без перевода. Короче, если мне не дано, то американцы сумели пропеть оду Славе Ростроповичу самым достойным образом. Ему, как личности и как замечательному послу русского искусства, оставившему неизгладимый след в культурной истории Америки. «Америке я благодарен, я ее люблю и уважаю, в России буду чувствовать себя своего рода американским послом. Но должен тебе сказать, что здесь я себя чувствовал только русским».

Я спросил, что, мол, да, безусловно, Америка неизмеримо богаче нас. Ну а если соизмерять духовное богатство? Слава совершенно серьезно ответил: «Мы богаче. Русское искусство, русская литература — это такое духовное сокровище, которое я не знаю даже, с чем сравнить. Конечно, не придуман еще идиотский инструмент, которым можно измерить, чей вклад в мировую культуру больше, но я с чистым сердцем считаю, что нам стыдиться нечего. Более того, скажу тебе, что основу исполнительского искусства в Америке заложили россияне. Могу перечислить десятки имен, которые по той или иной причине стали американцами, но лично для меня был образцом Сергей Александрович Кусевский, создавший Бостонский симфонический оркестр. Его уж скоро полвека как нет, а для бостонцев он по-прежнему — идол, коему поклоняются. Не в этом смысле, конечно, но хотелось оставить после себя такое же наследство».

Оставил, в том нет сомнений, — это был лейтмотив всех спичей и тостов. Но оставил после своего отъезда и нечто иное — труднозаполнимый вакуум и вообще в американской музыкальной жизни, и в «Кеннеди-центре» в особенности. Известно, что у каждого театра есть неповторимая душа — не абстрактная, а воплощающаяся в ком-то конкретном, будь то Станиславский или Кусевский. Уходят они, в том или ином смысле, и наступает то, о чем поэт сказал «померкли небеса...» Слово в опустевшем помещении стали слышать наши голоса. Вот такое ощущение и от «Кеннеди-центра», когда идешь сейчас его холлами. Вероятно, это мое субъективное ощущение, но все же не потому ли мудрый финансист Джеймс Волфенсон, хорошо знающий, что такой вакуум не заполнишь администраторами, пригласил возглавить оперный коллектив центра Пласидо Доминго, славного не только своим тенором, но и талантом сродни Славину — талантом общения с людьми.

Виссарион СИСНЁВ.
Фото Бориса ХИГРИНА.

Американская

ода Славе

Русская нота
в музыке США

А дочь Ольга прочла со сцен приветствие, полученное от Солженицына, находившегося уже на родной земле. За несколько дней до этого я спросил Славу, не может ли быть, что его оптимизм относительно происходящего в России объясняется «потемкинской обстановкой», создаваемой вокруг него, когда он приезжает? Ведь у многих мнение совсем иное. Он, как бы размышляя и вспоминая вслух, говорил о людях, которых видел, о местах, где побывал, а закончил описанием закладки дома для пенсионеров и отставников, которые пожелают вернуться из Прибалтики — это еще один фонд, основанный Ростроповичем.

«Ну ты подумай, как еще я могу уезжать из своей страны, если не со слезами радости и счастья. Мог ли я, «враг народа», мечтать, что буду вот так стоять в Пушкино, бабушка будет читать «Отче наш», освещая благое дело, и все это — не та же, не прача? Мы все-таки идем по этому пути, а это — путь очищения. Сколько бы грязи сейчас ни грозилось, все равно это путь очищения. Хотя когда-то, конечно, будут маленькие шажки, когда-то — гигантские, это все зависит от обстоятельств. Но Бог с нами — я верю. И приезды Сани (так Ростропович называет А. И. Солженицына. — В. С.) ускорят это очищение. Он — человек принципиальный, с обостренной совестью. Он это доказал. Сейчас к нему прильнут все. Он патриот? Да, он русский патриот. К нему придут те, кто прячется за вывеской патриотизма и национализма. Я уверен, он их отринет немедленно. Придут какие-то любители крайностей — будет то же самое. И он скажет свою точку зрения в открытую и точно, скажет все, что он думает. Я считаю, это объединит людей, нормальных людей, поможет им почувствовать свою силу».

да, где посторонним не придет в голову его искать, — maestro, помнится, рассказывал во всех подробностях о своем знаменитом броске в августе 91-го из Парижа в Москву. Тоже ведь спонтанно и неожиданно даже для близких.

У Ростроповича, помимо всех прочих талантов, дар замечательного рассказчика — не только анекдотов, а просто жизненных историй. Я уже писал с его слов про Славину трехдневное пребывание в московском Белом доме, но тогда я не знал финала, этот эпизод как-то выпал из Славиного повествования. А о нем стоит вспомнить. Сам Ростропович о нем вспомнил в связи с тем, что кто-то упомянул об обвинениях против защитников Белого дома в повальном пьянстве. Слава очень рассердился: «Вранье! За трое суток я не видел ни одного выпившего! Вот когда все кончилось, верно, выдали нам по бутылке водки. И я ее распил с тремя капитанами».

Далее следовала целая новелла о том, как он и остальные испугались, узнав, что по Москве реке подожгли и ошвартовали напротив Белого дома три судна: решили, что прибыли каратели. Оказалось же, что первыми на помощь новой российской демократии пришли речники. Поэтому на рассвете третьих суток Слава спустился к набережной, по веревочному трапу вскарабкался на борт, боясь не столько свалиться в воду, сколько разбить бутылку, представил капитану, тот велел позвать остальных двоих, и они вчетвером выпили за победу правого дела. Полагаю, речники сколько будут жить, не забудут, как из темноты к ним вдруг пожаловал человек с седым венчиком, оказавшийся Мстиславом Ростроповичем.

На ум приходит множество подобных новелл, услышанных от него в разное время и тоже ни-

ставить из вещей, написанных специально для него крупнейшими современными композиторами — и помчался дальше по белу свету. Все-таки в какой-то степени недаром последняя вещь, которой он здесь дирижировал, называлась «Реквием».

Говорю «в какой-то степени» потому, что в его собственном толковании это совсем не похоронная месса по прошлому, а гимн вечности жизни, добра, любви. Верди, неверующий, написал действительно необычный «Реквием», посвятив его сподвижнику Гарибальди поэту Алессандро Мандзони, которого считал гением. И Ростропович, стоя на подиуме, заставил звучать оркестр и огромный хор именно так, как слышал эту музыку.

Что же он оставил после себя в Америке? Оркестр, который из рядового превратился во всемирно известный? И которому предстоит психологическая перестройка, ибо, кто бы ни занял Славину место у пюльта, второго Ростроповича не будет? Директор «Кеннеди-центра» в здравии на банкете пошутил, что, введя в обиход объятия и целование на русский манер, Ростропович «нарастил живую плоть на прежде несколько абстрактное понятие культурных контактов между Западом и Востоком». Шутка, содержащая уйму истины.

Раскрою еще один маленький секрет. Каждому, кто уходил из оркестра по-хорошему, главный дирижер дарил серебряную водичную рюмку с гравировкой: «Такому-то от Славы». Вместе с ним коллектив покинули два музыканта — просто пора на пенсию. Один из них, Славин любитель-виолончелист, проработал в Национальном симфоническом 52 года. Оба, как водится, получили памятные рюмки. А их руководитель? «А я тоже получил, с надписью: «Слава от Славы», — смеялся он, очень довольный своей выдумкой. Прощались же с ним товарищи не на гала и не

Ростропович Мстислав

97.94.